

УДК 070:32

doi 10.17072/2219-3111-2024-4-141-152

Ссылка для цитирования: Резник А. В.* Идиома «гражданская война» в политической риторике Льва Троцкого 1914–1918 годов // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 4(67). С. 141–152.

ИДИОМА «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ ЛЬВА ТРОЦКОГО 1914–1918 ГОДОВ¹

А. В. Резник*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

areznik@hse.ru

ResearcherID: M-9753-2015

Scopus Author: 57209982424

SPIN-код: 3335-8816

Статья посвящена вопросам динамики использования и смыслового наполнения понятия «гражданская война» Л. Д. Троцким в 1914–1918 гг. Идиоматические особенности проговаривания этого словосочетания важны для понимания специфики политического контекста периода мировых войн и революций, роли отдельных лидеров в формировании авторитетного языка политической коммуникации, и отдельно – генеалогии идеологии большевистской партии и советского государства. На основе сплошного прочтения текстов Троцкого реконструированы основные этапы использования идиомы «гражданская война» в контекстах эмигрантской идейной полемики 1914–1916 гг. и публичной политической борьбы 1917 г., вылившейся в широкомасштабную гражданскую войну в 1918 г. На протяжении всего изучаемого периода, Троцкий всегда разделял общие для марксистов представления о «классовом» содержании гражданских войн. В целом риторика репрезентации гражданской войны у Троцкого отличалась образностью, но не концептуальной новизной. Подобно Ленину, Троцкий использовал понятие и в привычном смысле как внутренних конфликтов, подчеркивал их нежелательные, разрушительные последствия для общества и экономики. Свое первоначально негативное отношение к «лозунгу» гражданской войны в 1914–1916 гг. он скорректировал в 1917 г. указанием на «факт», на данность состояния гражданской войны и ее «объективность». В моменты ожесточенных военных конфликтов в 1918 г. Троцкий внес значительный вклад в сакрализацию гражданской войны как «священной» войны. Одновременно Троцкий признавал разрушительные эффекты от «революционных» и «классовых» гражданских войн, он неоднократно акцентировал нежелательность «междоусобиц».

Ключевые слова: Гражданская война в России, революция 1917 г., большевизм, пропаганда, легитимация насилия, политический язык.

Введение

В декабре 1917 г. Лев Троцкий бросил афористическую фразу: «История человечества есть сплошная гражданская война». При первом приближении эта фраза, вырванная из контекста, выглядит зловещей и кровавой и идеально подходит для демонизации большевиков и Троцкого лично в качестве идейных разжигателей Гражданской войны. Понятие «гражданская война» можно отнести к числу таких, вокруг которых не формируется окончательный консенсус, в терминологии У. Б. Гэлли – «принципиально оспариваемых» [Gallie, 1956, p. 167–198]. В этой статье я пробую разобраться в том, какими смыслами наделял Троцкий понятие «гражданская война». Сам Троцкий, едва ли не главный политический оратор революционного периода, оказывал огромное влияние на формирование политического языка. То, каким образом идиома «гражданская война» инструментализируется в его речах и текстах, принципиальным образом влияла на понимание смыслов гражданской войны в целом, а также на дискуссии вокруг ее сущности.

© Резник А. В., 2024

Настоящий материал произведен РЕЗНИКОМ АЛЕКСАНДРОМ ВАЛЕРЬЕВИЧЕМ, являющимся участником «Российского социалистического движения» (РСД), включенного в реестр иностранных агентов.

В поисках ответа на вопрос: «Что хотел сказать автор, называя историю человечества гражданской войной?», – привычным ходом может стать погружение в биографию автора этих слов. Биографы, в зависимости от своих идеологических симпатий и методологических приемов, предложат различные нарративы: об одержимом «демоном революции», о циничном лицедее, о «революционном вожде» и марксистском классике и т.д. (см. обзоры [Rezник*, 2016; Резник*, 2017]). Конструирование биографии зачастую характеризуется ретроспективной цельностью образа, заданной биографами [Бурдые, 2002]. Ретроспективный взгляд наталкивает на поиск преемственности между словами Троцкого о гражданской войне и его последующими делами на посту наркома военных дел. Отсюда наипростейший способ интерпретировать слова Троцкого как буквальное выражение его идеологически предзаданных намерений (Зив, 1921, с. 70).

Однако в этом случае возникает эффект «знания задним числом», т.е. послезнания историка, который может прямо исказить своеобразие исторического контекста. Представляется более плодотворной постановка вопроса об интенции Троцкого отождествлять историю человечества со «сплошной гражданской войной». Мог ли оратор поставить риторiku высказывания выше прагматики, использовать яркую фразу, не наполняя ее буквальным смыслом? Важно задаться вопросом: на каком политическом языке Троцкий говорил и на каком из языков мы прочитываем (не прочитываем) его сегодня? Проблема *контекстуализации* семантики политического языка Троцкого диктует цель статьи – реконструировать динамику использования идиомы «гражданская война» в контексте периода перехода от теоретических дискуссий о возможности и целях гражданской войны к действительной практике полномасштабного военно-политического конфликта (1914–1918).

Понятие «идиома», вслед за амбассадорами Кембриджской школы в России, я понимаю «в расширительном смысле, включающем три значения: идиома как язык, идиома как устойчивый идиоматический оборот и, наконец, идиома как ключевое слово, семантически связанное с определенным набором других идиом» [Атнашев, Велижев, 2015, с. 22]. Эти формулировки не противопоставляются традиции критического дискурс-анализа, однако в рамках данной статьи чаще используется понятие «политический язык». Политический язык выражает социальные отношения власти, т.е. на базовом уровне разговор про идиомы и риторiku – это разговор о дискурсе. Используемое понятие «риторика» в целом синонимично понятию «язык», хотя и не равнозначно ему, и в большей степени отсылает к конкретным приемам, совокупность которых составляет «языки». В этом подходе я следую, если не традиции, то духу Л. Хант [Hunt, 1984] и Р. Уортмана [Wortman, 2017], а также работам Б. И. Колоницкого, К. В. Годунова, К. А. Тарасова и других исследователей [Слова и конфликты..., 2022]. Этим и другим авторам мы обязаны разработке рабочих подходов к изучению политических языков, хотя, как демонстрирует и Кембриджская школа интеллектуальной истории, сегодня преждевременно говорить даже о четкости понятийного инструментария [Атнашев, Велижев, 2015, с. 29]. В то же время понятие риторики представляется более уместным в контексте предмета исследования, так как большинство анализируемых текстов Троцкого – записи его публичных выступлений – можно отнести к продуктам риторики в самом буквальном смысле. Это побуждает к осторожному подходу при постановке вопроса о самостоятельной интеллектуальной истории гражданской войны в интерпретации Троцкого, однако данная тема требует отдельного рассмотрения. Ситуация в историографии вопроса на данный момент принципиально не прогрессировала за последние полсотни лет, когда автор обстоятельной монографии мог позволить себе иллюстрировать одной лекцией Троцкого все его концептуальное понимание гражданской войны [Knei-Paz, 1978, p. 253–254]. Автор другого обстоятельного исследования, целиком посвященного Троцкому как «военному теоретику», обошел вниманием вопрос о динамике использования идиомы «гражданская война» [Киришин, 2003].

Продуктивность исследования напрямую связана с шириной охвата и глубиной проработки исторических источников. Троцкий хранил и активно публиковал свое письменное наследие, хотя, как можно судить по информации из газет и иных источников, за период с 1914 по

* Является участником «Российского социалистического движения» (РСД), включенного в реестр иностранных агентов.

1918 г. включительно сохранилась лишь малая часть (ситуация заметно улучшилась к началу 1919 г.). Основой для данной статьи стали материалы объемных томов собрания сочинений и сборники документов Троцкого, подготовка которых началась уже в годы Гражданской войны. При этом следует оговорить, что в предметном указателе к одному из сборников документов Троцкого за период Гражданской войны среди 44 «главнейших военных вопросов» предмет внимания настоящей статьи отсутствовал. Если судить по введению Троцкого к другому сборнику, самое важное для понимания сути гражданской войны на момент ее завершения являлось представление о том, что в «эпоху революции» «борьба классов из-за систем собственности принимает характер открытой гражданской войны» (Троцкий, 1922, с. 21). Как будет показано далее, во время исследуемых событий репертуар Троцкого по риторике репрезентации гражданской войны не исчерпывался классовым подходом.

От лозунга к факту

В первые дни ноября 1914 г. В. И. Ленин выступил с докладом на тему «Война и социал-демократия» в Цюрихе. Согласно записям Ленина, вступивший с ним в полемику Троцкий акцентировал условие мира между Германией и Францией как условие для «классовой борьбы» внутри Германии. Хотя лидер большевиков прокомментировал это замечание как «софизм», остальной текст конспекта речи Троцкого не содержит критических ленинских замечаний. Так, созвучно идее Ленина было утверждение, что «первый лозунг для гражданской войны» – это «прекращение войны империалистической». Троцкий считал правильным, что «на почве этой войны» необходимо «поднять гражданскую войну», но для этой задачи адекватнее «лозунг мира», который, как подчеркивал Троцкий, «не поповский лозунг» (т.е. не идеалистический или пацифистский), но «*кровный брат* лозунга гражданской войны» (Ленин, 1930, с. 139–140). Между Лениным и Троцким «кровное братство» было испорчено еще в 1903 г., и дискуссия вокруг лозунгов вновь разделила их. Так, манифест Циммервальдской конференции 5–8 сентября 1915 г. исключал «ленинский» лозунг «превращения империалистической войны в гражданскую» и, наоборот, включал формулировки Троцкого.

Литературное наследие в дальнейшей полемике с ленинцами, которую он сам обозначал как «идейную», Троцкий с основанием считал лозунг гражданской войны непригодным для практической программы революционного социализма. В статье 1915 г. он прямо говорил о необходимости «вести идейную борьбу с экстремизмом, как с идейным течением, которое, представляя собою непримиримую реакцию против социал-патриотизма и выжидательно примиренческое бесформенности, ищет против них, нередко, фиктивных гарантий в игнорировании созданных предшествующим развитием или порожденных войною политических и национальных вопросов, в утрировке революционных лозунгов (“поражение России – меньшее зло”, “не борьба за мир, а гражданская война”) или в организационном размежевании со всеми другими оттенками интернационализма» (Троцкий, 1923b, с. 114). Троцкий продвигал «лозунг борьбы за мир» в противовес «формуле гражданской войны», на которой настаивали ленинцы, по практическим соображениям: «Формула *гражданской войны*, по существу правильно выражающая неизбежное обострение всех форм классовой борьбы в наступившую эпоху, будучи *противопоставлена* борьбе за мир, повисает в воздухе и лишается для переживаемого нами периода своего значения» (Троцкий, 1923a, с. 203). Следует оговорить, что полемика между Троцким и сторонниками чаще всего происходила либо в косвенной форме, либо в обмене колкостями, и в любом случае не имела существенного значения для формирования общественного мнения за пределами политической эмиграции.

Выступления Троцкого в печати в период между Февральской революцией 1917 г. и до возвращения в Петроград, которые сам Троцкий впоследствии назовет «*ню-йоркскими отголосками*» (по месту своего пребывания), свидетельствуют о преемственности риторики «мира» в противовес риторике «гражданской войны». Отсылка к работе Маркса о Парижской коммуне «Гражданская война во Франции» (Троцкий, 1917c) включала формулировки «непримиримый интернационализм» и «революционное рабочее правительство», которые свидетельствовали о сближении позиций Троцкого и Ленина, однако на уровне риторики этот процесс затянется.

Впервые Троцкий использовал идиому «гражданская война» в революционном Петрограде, точнее – на известной своим радикализмом военно-морской базе Кронштадт, ставшей источником и предметом острых дискуссий о гражданской войне [Шумяков, 2025]. На общем собрании Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов 14 мая Троцкий полемизировал со сторонниками сотрудничества социалистов и Временного правительства, выразившегося в формировании первого коалиционного правительства. Если сформировать правительство без буржуазии, то «начнется гражданская война», как заявил «революционный оборонец», меньшевик М. И. Бройдо. «Я понимаю тех, кто пугается гражданской войны. Помещики под этим понимают восстание крестьян для захвата земли», – начал свое выступление Троцкий. С его точки зрения, попытки остановить «аграрную революцию» бесплодны. «Если не беремся захватить земли планомерно – это вызывает гражданскую войну», – подчеркнул он опасность гражданской войны «в среде крестьян», т.е. «гражданской войны сверху» – инспирированной эксплуататорами. Итоговая формула Троцкого гласила: «Сплачивайте силы ввиду неизбежной гражданской войны, которой мы не хотим, но которая организуется сверху» (Протокол № 6 Заседания..., 1917, 25 мая; 27 мая). Характерно, что в опубликованной в июне в журнале «Вперед» статье Троцкий упоминает «гражданскую войну» как угрозу – «организованный сверху эксперимент». Впрочем, Троцкий не видел для этого реальных оснований (Троцкий, 1917b).

В последующих статьях Троцкий редко произносит вслух словосочетание «гражданская война». Так, в опубликованных в конце июня «Тезисах о войне» сформулирован призыв не только к захвату власти, но и к поддержке борьбы народов против их империалистов, если того потребует логика борьбы за «демократический мир», силой оружия (Троцкий, 1917e). Кровавые события в Петрограде 3–4 июля, воспринятые многими современниками как гражданская война, Троцкий интерпретировал иначе: большевики и межрайонцы, по его словам, стремились направить стихийное движение «в русло мирной массовой демонстрации» (Троцкий, 1917a). 24 июля для газеты «Рабочий и солдат» он назвал июльские события «кровью гражданской войны, вызванной провокацией агентов контрреволюции» (Троцкий, 1917d). Здесь обнаруживается переключки с позицией Ленина, который предложил снять лозунги «Вся власть Советам!» и гражданской войны. Вскоре Троцкий публично солидаризируется с арестованными и преследуемыми большевиками, заочно избирается членом ЦК РСДРП(б), добровольно отправляется в тюремное заключение, а вскоре после освобождения играет важнейшую роль в захвате власти Военно-революционным советом Петросовета.

В сентябре Троцкий уже выступал в качестве спикера большевиков на Всероссийском демократическом совещании в Петрограде, идеологи которого стремились к созданию коалиционного правительства, которое в том числе могло бы совместными усилиями «буржуазии» и «демократии» предотвратить гражданскую войну. 19 сентября на заседании рабочей секции Петросовета Троцкий предостерегал умеренных социалистов, что в условиях классового напряжения «переход власти к имущим классам означает неизбежно гражданскую войну» (Всероссийское демократическое совещание, 1917). По верному замечанию исследователей, Троцкий использовал ту же тактику, что Ленин, обвинявший «своих противников в том, что они используют страх перед гражданской войной», но сам «применявший этот прием» [Колоницкий, Годунов, 2021, с. 84]. Большевики покинули совещание, не сумев убедить умеренных социалистов, со стороны звучали обвинения в раздувании гражданской войны. Однако выступая и перед дружелюбной аудиторией в день своего избрания на пост председателя Петросовета 25 сентября Троцкий высказался о «братоубийственной» войне в семантической связи с «жестоким хаосом», от которых может спасти власть, «которой верят и верят по праву», имея в виду власть Советов (Речь т. Троцкого..., 2003, с. 412).

За несколько дней до начала Октябрьского восстания Троцкий выступает на Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов. В речи идиому «гражданская война» используется в контексте таких расхожих понятий марксистского лексикона, как классы, экономика, общество, структура, развитие. «Гражданская война не лозунг, а факт. Между крестьянами и помещиками идет уже гражданская война», – обосновывает Троцкий неизбежность и объективную обусловленность гражданской войны (Доклад на Всероссийской конференции..., 1917). Можно предположить, что Троцкий риторически отвергал «лозунг» гражданской войны для того, чтобы оппонировать

представлениям об ответственности большевиков за нее. В этом же контексте можно прочитать выступление Троцкого 25 октября на экстренном заседании Центрального исполнительного комитета старого состава. «Если вы не дрогнете..., то гражданской войны не будет», – уверял он делегатов всероссийского съезда в том, что «враги капитулируют» (Экстренное заседание..., 1917). По свидетельству современника, Троцкий говорил о гражданской войне как о свершившемся «факте».

Важно, что Троцкий не употреблял идиому «гражданская война» непосредственно в дни Октябрьского переворота и после него. При этом в его выступлениях отразилась эскалация политических конфликтов: боев под Петроградом, подавления выступления юнкеров и бои в Москве. Наконец, 3 ноября риторический репертуар Троцкого впервые обогатился приемом салютации гражданской войны. Перед депутатами Петросовета, среди которых все еще были представлены оппозиционные большевикам силы, председатель заявил, что «в гражданской войне никогда не повинны угнетенные массы, которые стремятся к свободе, виновна буржуазия, целью которой является угнетение... Гражданская война уничтожает ценности, но гражданская война несет свободу и потому – да здравствует гражданская война!» (Петроградский совет..., 1917). В еще более явной форме идиома «гражданская война» была использована Троцким на следующий день, во время обсуждения вопроса о свободе печати на заседании ВЦИК. Гражданская война прямо увязывалась с «законными» мерами по «запрещению враждебных газет», поскольку, как констатировал Троцкий, «противники пролетариата..., с которыми идет гражданская война, мира нам не предлагают». В речи, сохранившейся по газетному пересказу, прозвучал важный тезис: «Требование устранения всех репрессий во время гражданской войны означает требование прекращения гражданской войны» (Троцкий, 1925d, с. 104). Не требовал ее прекращения и Троцкий, хотя в его речах за ноябрь идиома употреблялась в основном для обозначения опасностей и деятельности «контрреволюции». Наконец, в речи 2 декабря Троцкий провозгласил вступление «в эпоху прямой гражданской войны между народом и партией насилия и экспроприации народного труда» (Троцкий, 1925c, с. 134).

Тематика гражданской войны все чаще становилась предметом отдельного обсуждения. 3 декабря, отчитываясь перед делегатами Всероссийского Съезда крестьянских депутатов, Троцкий затронул «вопрос о гражданской войне». Можно предположить, что это мог быть вопрос о поиске виноватых за эскалацию конфликта. Троцкий возлагал всю ответственность на «восставших» врагов советской власти. Важно, что Троцкий впервые связал гражданскую войну с возможностью вынужденного террора: «Если они не будут противиться вашей воле, не будет террора. Но они, повинные в этой войне, эти господа Милюковы Константинопольские и Дарданельские, как смеют они показываться на глаза народа?! Они идут против вас, и, если народные массы, доведенные до отчаяния, прибегнут к террору, я не брошу в них камня». Именно здесь прозвучит фраза: «История человечества есть сплошная гражданская война» (Троцкий, 1925a, с. 202). При ближайшем рассмотрении это высказывание не было важно само по себе, поскольку его политическая семантика могла быть (а могла и не быть) прочитана по-разному, в первую очередь в качестве отсылки к устоявшемуся фразеологизму «история борьбы классов» К. Маркса и Ф. Энгельса. Ее задача – риторически усилить последующую аргументацию легитимного использования «силы» (в значении власти) против политических врагов. Завершающая фраза речи: «Мы их бросим на лопатки!» – свидетельствует о специфическом выборе слов и масштабных обобщениях перед преимущественно крестьянской аудиторией (Троцкий, 1925a, с. 203).

От факта к эпохе

Оставляя в стороне субъективные интенции Троцкого, уместно предположить, что подлинное значение высказывания состояло в том, что для аудитории советских съездов словосочетание «гражданская война» не требовало отдельных пояснений. В первую очередь речь шла о форме классовой борьбы [Резник*, 2021]. Выступая на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г., Троцкий заверял слушателей, «гражданская война нас не ослабляет, а лишь усили-

* Является участником «Российского социалистического движения» (РСД), включенного в реестр иностранных агентов

вайт... такая же гражданская война, усиливающая наши позиции, вспыхнула уже и в Австрии» (Троцкий, 1926k, с. 65).

Троцкий прибегал к разным способам артикуляции идиомы «гражданская война». В перерывах между заседаниями на мирных переговорах в Брест-Литовске Троцкий диктовал брошюру «Октябрьская революция», адресованную западной аудитории. Идиоматика «гражданская война» предстает здесь сравнительно сбалансированной: она ни игнорируется, ни поэтизируется, а подается в объективистском плане. Так, Троцкий признает факты «жестокостей над отдельными юнкерами» со стороны матросов в дни восстания в Петрограде 29 октября, но политическая вина возлагается на буржуазию, организовавшую «контрреволюционный заговор... бросивший ее молодое поколение в огонь гражданской войны против рабочих, солдат и матросов...». В заключение брошюры Троцкий выводит «ожесточенную, непрерывную – то скрытую, то явную» гражданскую войну из классовой борьбы «имущих классов». Одновременно с этим он ставит вопрос о том, что «гражданская война неизбежно питает анархические тенденции в движении трудящихся масс» (Троцкий, 1925b, с. 328). Таким образом, на протяжении почти года, в период между Февральской революцией и Брест-Литовским мирным договором Троцкий употреблял идиому «гражданская война» в расхожем для марксистов расширительном значении атрибута классовой борьбы.

В период жарких споров вокруг принятия «похабного мира» с Германией позиция Троцкого отличалась от фракции «левых коммунистов», в языке которых тесно переплетались понятия «революционной войны» и «международной гражданской войны». После ратификации Брест-Литовского мирного договора, когда острота внутривластных конфликтов и угроза наступления немцев понизилась, Троцкий мог употреблять словосочетания типа «пожар революционной гражданской войны» применительно к перспективам в Европе. К «борьбе» на этом фронте, как подчеркивал наркомвоен в конце марта, «мы должны быть во всеоружии готовыми» (Троцкий, 1926h, с. 236). В лекции 21 апреля 1918 г., посвященной внутренним и внешним задачам советской власти, Троцкий употреблял идиому «гражданская война» для того, чтобы подчеркнуть международный контекст потенциальной эскалации конфликтов: «Сама Европа пройдет через... через огонь и пламя гражданской войны, и русская буржуазия сделает еще не одно кровавое усилие, опираясь на буржуазию европейскую и мировую» (Троцкий, 1926a, с. 205).

С легкой руки Ленина период после мира именовался «передышкой», что отражалось на политическом языке Троцкого. Примечательно, что в его речи по вопросу об армии 19 марта не было упоминаний гражданской войны, зато провозглашалось вступление в «новую эпоху строительства и обновления жизни революционного народа» (Речь т. Троцкого, 1918). Его доклад на московской городской конференции РСДРП(б) 27 марта 1918 г. имел говорящее название «Труд, дисциплина, порядок». Троцкий признавал, что «гражданская война и методы, с помощью которых мы сламывали чиновничий саботаж во всех учреждениях, сами по себе усиливали разруху». При этом он говорил о «прямой открытой гражданской войне» в прошедшем времени: «Как и борьба с саботажем, – все это, до известной степени, отвлекало наше внимание от основных, органических, хозяйственных и административных задач» (Троцкий, 1926t, с. 160–161). Здесь обнаруживается перекличка с озвученной в «Октябрьской революции» идеей о том, что гражданская война оказывает негативное влияние. Так, в речи Троцкого на I Всероссийском съезде военных комиссаров 7 июня 1918, наряду с дискурсом долженствования, говорится и об объективных трудностях: «Гражданская война – наш прямой долг, когда дело идет о подавлении контрреволюционных полчищ, но самый факт ее существования все же способствует затруднению в области срочного воссоздания революционной армии» (Троцкий, 1926i, с. 265). В лекции 16 июня на тему «Международное положение и организация Красной армии» Троцкий, по сути, повторяет эту мысль иными словами, повествуя о развитии революционного процесса и вписывая в него гражданскую войну: «...война развернулась в революцию, революция столкнулась с врагами, и люди вступили на путь гражданской войны. Это все было необходимо и было осуществлением священного права рабочего класса с оружием в руках добывать свою свободу. Но это выбивает рабочий люд из колеи. Вот почему во время войны и революции наладить порядок, обеспечить страну продовольствием и создать крепкую и сильную армию чрезвычайно трудно» (Троцкий, 1926e, с. 283–284).

Выступая на V Всероссийском съезде Советов 10 июля, Троцкий использовал выражение «дубина гражданской войны», чтобы противопоставить принципиально отличающиеся этапы взятия власти. По словам Троцкого, «власть рабочего класса и крестьян начинается не там, где мы дубиной гражданской войны прогнали буржуазию и помещиков от аппарата государственной власти: власть начинается там, где мы этот аппарат взяли в свои руки и заставили служить задачам нашего собственного класса» (Троцкий, 1926l, с. 304).

Вместе с тем в текстах Троцкого весны – лета 1918 г. обнаруживается преемственность в придании гражданской войне характеристики объективности, выраженной в октябре 1917 г. в формуле «не лозунг [*призыва к гражданской войне*], а факт [*случившейся гражданской войны, которую не мы развязали*]». Выступление чехословацкого корпуса в конце мая привело к свержению советской власти на территориях от Поволжья до Сибири. И в условиях этого кризиса большевикам стало легче отбивать атаки в искусственном разжигании гражданской войны. Наоборот, последняя увязывалась с советским государством как таковым. Так, в речи 4 июня 1918 г. на соединенном заседании советских и профсоюзных организации Троцкий заявил о политике Совнаркома: «Когда нам говорят, что это есть путь гражданской войны, мы недоумеваем. Само собой разумеется, что Советская власть есть организованная гражданская война против помещиков, буржуазии и кулаков. Советская власть не боится этого сказать, как не боится призывать массы к гражданской войне и для этого их организовывать». Это высказывание было сделано в контексте полемики о продрозверстке, отождествлявшейся с «классовой борьбой в деревне» [Lih 1990]. Троцкий предлагал «сделать выбор» между двумя «монополиями» на хлеб – кулацкой и советской: «Он должен быть сделан не на словах, а на деле, и сущность выбора есть гражданская война». Вслед за этими словами произошел показательный эпизод, использованный Троцким для радикализации риторики: «И наша партия – за гражданскую войну! Гражданская война уперлась в хлеб. Мы, Советы, в поход!.. (С места, иронически: «Да здравствует гражданская война».) Да, да здравствует гражданская война! Гражданская война во имя хлеба для детей, стариков, для рабочих и Красной Армии, во имя прямой и беспощадной борьбы с контрреволюцией. Да здравствует поход рабочих в деревни за хлебом...» (Троцкий, 1926b, с. 404).

Примечательно, что несколько дней спустя Троцкий защищал политику Совнаркома, примечательным образом адаптируя риторику под распространенный мотив страха перед гражданской войной: «Нас пугают, говоря: “Вы хотите начать гражданскую войну города против деревни”». Под «нами» здесь, скорее всего, подразумевались не власти, а народ как адресат выступления Троцкого, поэтому в ответ на «запугивание» Троцкий отвечает: «Неправда, это не есть война города против деревни, а общая борьба города и деревенской бедноты против кулаков-богатеев, против мародеров...» (Троцкий, 1926g, с. 417). Нельзя судить однозначно о мотивах Троцкого, однако в данном выступлении на митинге в Сокольниках он противопоставил понятия «война» и «борьба», а идиому «гражданская война» использовал имплицитно в значении классовой борьбы. В упоминавшейся выше речи 16 июня, Троцкий предложил помыслить ситуацию «победы контрреволюции», при которой, как живописал он, страна была бы опрокинута в «кипящий котел постоянных восстаний, виселиц, расстрелов и гражданской войны, самой ожесточенной войны отчаявшихся низов» (Троцкий, 1926e, с. 283–284).

Троцкий придавал гражданской войне негативную коннотацию в своем докладе на V Всероссийском съезде Советов 9 июля, на другой день после подавления вооруженного выступления части левых эсеров: «Мирные обыватели и мирные граждане подвергались риску расстрела, события вовлекали их в гражданскую войну...» (Троцкий, 1926f, с. 469). В заключительных словах оратор открыто сожалел по поводу конфликтов с недавними союзниками: «То, что сегодня – разногласие, недоумение, то завтра превращается в гражданскую войну. <...> Сегодня – критика, а завтра – гражданская война. Мы ее не хотим» (Троцкий, 1926f, с. 473–474). Противопоставление крестьянства советской власти – «это есть не что иное, как предвестник завтрашнего взрыва новой гражданской войны», подводил итоги оратор (Троцкий, 1926f, с. 475). Таким образом, Троцкий артикулировал нежелательность гражданской войны в буквальном значении, как внутреннего конфликта.

Иное дело – контекст выступлений по вопросам военного строительства. Здесь Троцкий использует идиому «гражданская война» в позитивной коннотации. Его доклад на Всероссийском съезде советов 10 июля начинается с констатации «эпохи гражданской войны» (*Троцкий, 1926l, с. 294*). «...мы живем в условиях открытой гражданской войны класса против класса. Это основной факт, из которого мы исходим. Хорош этот факт или плох, мы не будем говорить. Гражданская война есть не принцип, а факт...», – рассуждал Троцкий, аргументируя использование классового подхода в военном строительстве в противовес всеобщей воинской повинности («гражданская война беспощадно рассекает национальную оболочку») (*Троцкий, 1926l, с. 301*). Война «класса против класса» легитимируется посредством оборота «факт, подготовленный веками исторического развития» (*Троцкий, 1926l, с. 304*).

Как глава военного ведомства Троцкий был вынужден проговаривать и более приземленные вопросы. Одним из наиболее важных практических задач строительства Красной армии упирался в нежелание многих офицеров принимать участие в гражданской войне [*Ганин, 2019, с. 52–64*]. В небольшой статье «Офицерский вопрос» (конец июля) Троцкий отвечал на расхожие представления о том, что «бывшие офицеры... не хотят участвовать в гражданской войне» посредством конкретизации: офицеры не хотели «участвовать в гражданской войне на стороне правящих ныне рабочих и крестьян» (*Троцкий, 1926j, с. 331*). В этой связи Троцкий обратил внимание на практику наименования гражданской войны: «Офицерство царской армии руководило гражданской войной против рабочих и крестьян. Тогда это не назывались, правда, гражданской войной» (Там же). Троцкий называет кубанское восстание Краснова «первым открытым и широким проявлением “офицерской” гражданской войны». Полемизируя с противопоставлением «гражданской войны» и «оборона страны», Троцкий призывает к патриотическому аргументу: борьба с Красновым позволяет «обеспечить тыл» для борьбы с «германским империализмом» (*Троцкий, 1926j, с. 332*). Наконец, Троцкий выделяет отдельную, самую многочисленную, группу: «Трусливые враги, озирающиеся, выжидающие обыватели-шкурники, в сущности безразличные к судьбам страны и норовящие отойти к сторонке и в тайне вождевающие возврата встарь». Это «резерв контрреволюции», который, по Троцкому, прячет «свое трусливое ничтожество за фразами о гражданской войне» (*Троцкий, 1926j, с. 334*). «Из-под палки исторической необходимости и новой войны, гражданской...», – так вскоре Троцкий будет говорить о создании новой армии в связи с проблемой подготовки красных офицеров (*Троцкий, 1926d, с. 347*).

Покушение на Ленина 30 августа 1918 г. произошло в момент масштабных боев на Восточном фронте. Речь Троцкого «О раненом» стала вехой для становления политического языка культа советских вождей [*Эннкер, 2011, с. 58*]. Троцкий признал, что «многие», включая его самого, неоднократно критиковали Ленина «за то, что он как бы не замечал многих второстепенных причин, побочных обстоятельств». Оратор осторожно предположил, что «для эпохи “нормального”, медленного развития» это могло бы быть «недостатком для политического деятеля». Наоборот, подчеркивает Троцкий, «это – величайшее преимущество товарища Ленина как вождя новой эпохи, когда все побочное, все внешнее, все второстепенное отпадает и отступает, когда остается только основной непримиримый антагонизм классов в грозной форме гражданской войны» (*Троцкий, 1990, с. 240*). Знаменательно, что через несколько дней Троцкий шагнул дальше в адаптации своей риторики к «новой эпохе», обозначенной взаимосвязанными факторами: объявлением «красного террора» и первыми крупными успехами красноармейцев в широкомасштабной гражданской войне.

10 сентября Красная армия взяла Казань. В речи о значении этого события, произнесенной на следующий день, Троцкий впервые использовал слово «священная» применительно к гражданской войне. Риторическая сакрализация строилась на дихотомии «двух» гражданских войн, вернее, двух полюсов: «гражданская война, которую ведут помещики, старые чиновники, старые генералы, банкиры, капиталисты против трудящихся масс, – это бесчестная гражданская война, и есть другая гражданская война, которую мы, которую вы, рабочие, поднявшиеся, расправившие свои спины, начинаете вести против угнетателей, против насильников – это священная гражданская война» (*Троцкий, 1926с, с. 526*). Ранее Ленин уже называл гражданскую войну «священной» (*Ленин, 1974, с. 439*), однако прилагательное употреблялось эпизодически. Политическая

семантика гражданской войны в казанской речи Троцкого представляла собой продукт семантической сцепки сакрализации (включая героизацию) и утраченного – политической риторики террора, по образцу Французской революции [Годунов, 2023, с. 171–190]. По словам Троцкого, «когда рабочих обвиняют в жестокости и в ведении гражданской войны, мы говорим на основании опыта: единственный порок был бы теперь непростителен для русского рабочего класса – это милосердие, мягкосердие по отношению к своим классовым врагам». Примечательно, что вслед за грозным предупреждением, что «все, что стоит на пути» борцов «во имя величайшего блага человечества... должно быть сметено», Троцкий провозглашает: «Мы не хотим междоусобицы, крови, ран!» Обращаясь к «злейшим врагам», Троцкий риторически протягивает им руку: «Если не хотите гражданской войны, хотите жить по-братски, то пожалуйста...» (Троцкий, 1926с, с. 529). Несмотря на атмосферу экзальтации, в данном случае идиома «гражданская война» менее напоминала отвлеченный риторический прием, подобно обсуждавшемуся в начале статьи крылатому выражению «История человечества есть сплошная гражданская война».

Выводы

Каждый из рассмотренных выше сюжетов заслуживает дальнейшей углубленной контекстуализации². Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы и наблюдения.

Во-первых, Троцкий чаще всего использовал идиому «гражданская война» в традиционном для марксистов значении «классовой» и «революционной» борьбы. Хотя в отдельных случаях Троцкий ранжировал гражданские войны, выделяя «организованную сверху», «бесчестную» и «офицерскую» гражданские войны, строго говоря, политик не привнес ничего концептуально нового в риторический репертуар употребления этой идиомы. При этом Троцкий как минимум дважды воспроизводил лексику Ленина о «запугивании» гражданской войной и о ее «священном» характере.

Во-вторых, Троцкий употреблял идиому и в общепринятом значении внутреннего конфликта, «междоусобицы» (в этом он опять же был близок к Ленину). Несколько рассмотренных случаев указывают на отчетливо негативную коннотацию такого рода «гражданской войны». Троцкий признавал, что «гражданская война» даже в «классовом» значении может приносить объективно нежелательные последствия. Как можно судить по деятельности Троцкого в мирный период советской истории, он был далек от политической фетишизации «гражданской войны».

В-третьих, в использовании Троцким идиомы обнаруживается амбивалентность. С одной стороны, Троцкий критиковал тех, кто «прятался за фразой» о нежелании участвовать в конфликте, отождествлял советскую государственность с «организованной гражданской войной», а саму переживаемую эпоху провозглашал «эпохой гражданской войны». С другой стороны, он предпочитал отделять «факт» от «лозунга» / «принципа» гражданской войны, при этом в значении последнего он провозглашал «гражданскую войну» в декабре 1917 г. и летом 1918 г. – в обоих случаях, возможно, в ораторском запале.

Наконец, к этому следует добавить, что к рубежу 1918–1919 гг. идиома «гражданская война» испытала существенное влияние дискурса «мировой революции» [Albert, 2023]. Это происходило в условиях дальнейшей разработки не только политического, но и военного понимания гражданской войны, своеобразной «милитаризацией» языка проговаривания внутреннего конфликта. Риторическая «формовка» в политическом языке раннего советского государства, превращение в идеологему власти заслуживают отдельного изучения, однако можно с уверенностью утверждать, что к концу 1918 г., в том числе благодаря Троцкому, понятие «гражданской войны» закрепилось в репертуаре политической коммуникации.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

² Сюжеты данной статьи рассматриваются более детально в коллективной монографии «Имя раздора: Политическое использование понятия “гражданская война” (1917–1918)» (отв. ред. Б.И. Колоницкий), запланированной к изданию на 2025 г.

Список источников

- Всероссийское демократическое совещание // Рабочий путь. 1917. 20 сентября.
Доклад на Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов по текущему моменту // Рабочий путь. 1917. 21 октября (3 ноября).
Зив Г.А. Троцкий: характеристика (по личным воспоминаниям). Нью-Йорк: Народоуправство, 1921. 96 с.
Ленин В.И. Материалы к реферату «Война и социал-демократия» // Ленинский сборник. XIV / под ред. В.В. Адоратского, В.М. Молотова, М.А. Савельева. М.: Гос. изд-во, 1930. С. 138–143.
Ленин В.И. Доклад о текущем моменте 27 июня 1918 г. // Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1974. Т. 36. С. 435–454.
Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов // Известия. 1917. 4 ноября.
Протокол № 6 Заседания Кронштадтского Совета Раб[очих]. и Солд[атских]. Депутат[атов]. 14 мая 1917 года // Изв. Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 25 мая; 27 мая.
Речь т. Троцкого // Голос трудового крестьянства. 1918. 22 марта.
Речь т. Троцкого, произнесенная на заседании Совета р. и с.д. 25 сентября // Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году (27 февраля – 25 октября 1917 года). Т. 4 (3 июля – 25 октября 1917 года). М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. С. 410–412.
Троцкий Л. Внутренние и внешние задачи Советской власти // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926а. С. 198–205.
Троцкий Л. Война и революция: крушение второго Интернационала и подготовка третьего. Пг.: Гос. изд-во, 1922. Т. 1. 371 с.
Троцкий Л. Группировки в российской социал-демократии (Тезисы) // Троцкий Л. Война и революция. Пг.: Гос. изд-во, 1923а. Т. 2. С. 200–204.
Троцкий Л.Д. О раненом (Речь на заседании ВЦИК 2 сентября 1918 г.) // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. С. 237–240.
Троцкий Л. Два пути // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926b. С. 400–406.
Троцкий Л. Дни испытания // Вперед. 1917а. № 6. 22 (9) июля.
Троцкий Л. Доклад на заседании всероссийского съезда крестьянских депутатов о ходе мирных переговоров // Троцкий Л. Сочинения. Т. 3, ч. 2. М.; Л.: Госиздат, 1925а. С. 196–203.
Троцкий Л. Значение взятия Казани // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926с. С. 524–531.
Троцкий Л. Красные офицеры // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926d. С. 346–352.
Троцкий Л. Международное положение и организация Красной армии // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926e. С. 269–289.
Троцкий Л. Мятеж // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926f. С. 451–476.
Троцкий Л. На борьбу с голодом! // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926g. С. 406–433.
Троцкий Л. На пути к развязке // Вперед. 1917b. № 2. 7 (20) июня.
Троцкий Л. Новая армия // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926h. С. 234–236.
Троцкий Л. Октябрьская революция // Троцкий Л. Сочинения. Т. 3, ч. 2. М.; Л.: Госиздат, 1925b. С. 255–329.
Троцкий Л. Организация Красной армии // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926i. С. 264–269.
Троцкий Л. Офицерский вопрос // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926j. С. 330–334.
Троцкий Л. Под знаменем Коммуны // Новый Мир. 1917с. 4 (17) марта.
Троцкий Л. Речь на III Всероссийском Съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926k. С. 53–65.
Троцкий Л. Речь на заседании Петроградского Совета об отношении к Учредительному Собранию и партии к.-д. // Троцкий Л. Сочинения. Т. 3, ч. 2. М.; Л.: Госиздат, 1925с. С. 134–138.
Троцкий Л. Речь на заседании ЦИК по вопросу о печати // Троцкий Л. Сочинения. Т. 3, ч. 2. М.; Л.: Госиздат, 1925d. С. 104–105.
Троцкий Л. Сдача позиций (к отставке Чернова) // Рабочий и солдат. 1917d. № 2. 24 июля. С. 3.
Троцкий Л. Создание рабочей и крестьянской Красной армии // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926l. С. 294–315.

- Троцкий Л.* Тезисы о войне // Вперед. 1917е. № 5. 28 июня (11 июля).
Троцкий Л. Труд, дисциплина, порядок // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926т. С. 155–172.
Троцкий Л. Юбилей «Нашего слова» // Троцкий Л. Война и революция. Т. 2. Пг.: Гос. изд-во, 1923б. С. 111–115.
Экстренное заседание Центр. Исп. Ком. Сов. Р., С. и Кр. Деп. Речь Троцкого // Известия. 1917. 26 октября.

Библиографический список

- Атнашев Т., Велижев М.* «Context is King»: Джон Покок – историк политических языков // Новое литературное обозрение. 2015. № 4. С. 21–44.
Бурдые П. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. Т. 1, № 1. С. 75–84.
Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2019.
Годунов К.В. «Красная Пасха»: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2023. 256 с.
Киришин Ю.Я. Лев Троцкий – военный теоретик. Клинцы: Изд-во Клинцов. город. тип., 2003. 335 с.
Колоницкий Б.И., Годунов К.В. «Корниловщина» как «гражданская война»: использование понятия в условиях политического кризиса // Вестник Перм. ун-та. История. 2021. Вып. 3(54). С. 78–87.
*Резник А.В.** Введение // Л.Д. Троцкий: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. / сост., вступ. статья, коммент. А. В. Резника. СПб.: РХГА, 2017. 864 с.
*Резник А.В.** Риторика репрезентации гражданской войны в «Известиях» (октябрь 1917 – январь 1918 г.) // Вестник Перм. ун-та. История. 2021. Вып. 3(54). С. 88–100.
Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России: сб. ст. / под ред. Б.И. Колоницкого [и др.]. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2022. 328 с.
Шумяков Р.А. «Кронштадтская республика»: дискуссии мая 1917 г. и культурная подготовка гражданской войны в России // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2025. № 3. В печати.
Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М.: РОССПЭН, 2011. 437 с.
Albert G. The Charisma of World Revolution. Revolutionary Internationalism in Early Soviet Society, 1917–1927. Leiden; Boston: Brill, 2023. 569 p.
Gallie W.B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society New Series. 1956. Vol. 56. P. 167–198.
Hunt L. Politics, Culture, and Class in the French Revolution. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1984. 251 p.
Knei-Paz B. The Social and Political Thought of Leon Trotsky. Oxford: Clarendon Press, 1978. 629 p.
Lih L. T. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley: University of California Press, 1990
*Reznik A.V.** Lev Trotskii as the Mirror of the Russian Revolution // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. Vol. 17. P. 181–191.
Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th the 21st Centuries. London; New York: Bloomsbury Academic, 2017. 256 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.09.2024

THE IDIOM “CIVIL WAR” IN THE POLITICAL RHETORIC OF LEV TROTSKY, 1914–1918

A. V. Reznik*

National Research University “Higher School of Economics”, Myasnitskaya str., 20, 101000, Moscow, Russia
areznik@hse.ru

* Является участником «Российского социалистического движения» (РСД), включенного в реестр иностранных агентов

* This material was produced BY REZNIK ALEKSANDR VALERIEVICH, a participant of the «Russian Socialist Movement» (RSD) included in the register of foreign agents.

ResearcherID: M-9753-2015
Scopus Author: 57209982424
SPIN: 3335-8816

This article examines the ways in which Leon Trotsky conceptualized and employed the concept of “civil war” in the period between 1914 and 1918. The idiomatic features of using this concept are significant for understanding the political context of the period of world wars and revolutions, as well as the role of individual leaders in shaping the authoritative language of political communication. By undertaking a comprehensive and continuous analysis of Trotsky's writings, it is possible to reconstruct the key stages through which the term “civil war” evolved in the context of ideological debates that took place between 1914 and 1916, and in the political conflicts that unfolded between 1917 and 1918. Trotsky consistently upheld the Marxist notion of the “class” nature of “civil wars”. Like Lenin, he employed the term in its conventional sense, referencing internal strife and underscoring its deleterious outcomes. He revised his initial negative stance on the “slogan” of civil war, underscoring the “fact” of the ongoing civil war. During periods of armed conflict, Trotsky significantly contributed to the sacralization of civil war as a “sacred” war. Trotsky's rhetoric regarding the representation of the “civil” war was characterized by imagery rather than conceptual innovation.

Key words: Russian Civil War, the 1917 Revolution, propaganda, violence legitimization, Trotsky.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 20-18-00369 “Processes of the Legitimation of Violence: Culture of Conflict in Russia and the Escalation of the Civil War”.

References

- Albert, G. (2023), *The Charisma of World Revolution. Revolutionary Internationalism in Early Soviet Society, 1917–1927*, Brill, Leiden, Netherlands, 569 p.
- Atnashev, T. & M. Velizhev (2015), “«Context is King»: John Pocock is a historian of political languages”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 4, pp. 21–44.
- Bourdieu, P. (2002), “The Biographical illusion”, *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*, vol. 1, № 1, pp. 75–84.
- Ennker, B. (2011), *Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soyuze* [The forming of the cult of Lenin in the Soviet Union], ROSSPEN, Moscow, Russia, 437 p.
- Gallie, W.B. (1956), “Essentially Contested Concepts”, *Proceedings of the Aristotelian Society New Series*, vol. 56, pp. 167–198.
- Ganin, A.V. (2019), *Russkiy ofiterskiy korpus v gody Grazhdanskoj vojny. Protivostoyanie komandnyh kadrov. 1917–1922 gg.* [The Russian officer Corps during the Civil War. The confrontation of command personnel. 1917—1922], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia, 350 p.
- Godunov, K.V. (2023), “*Krasnaya Paskha*”: *prazdnovanie godovshchin Oktyabrya i politicheskaya kul'tura Grazhdanskoj vojny* [“Red Easter”: Celebrating the Anniversaries of October and the Political Culture of the Civil War], Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia, 256 p.
- Hunt, L. (1984), *Politics, Culture, and Class in the French Revolution*, University of California Press, Berkeley, USA, 251 p.
- Knei-Paz, B. (1978), *The Social and Political Thought of Leon Trotsky*, Clarendon Press, Oxford, UK, 629 p.
- Kolonitskii, B.I. & K.V. Godunov (2021), “«Kornilovshchina» as a «civil war»: the application of the concept in the context of a political crisis”, *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*, № 3, pp. 78–87.
- Kolonitskii, B.I. (ed.), *Slova i konflikty: yazyk protivostoyaniya i eskalatsiya grazhdanskoj vojny v Rossii* [Words and Conflicts: The Language of Confrontation and the Escalation of the Russian Civil War], Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia, 328 p.
- Lih, L.T. (1990), *Bread and Authority in Russia, 1914-1921*, University of California Press, Berkeley, USA, 303 p.
- Reznik, A.V.* (2016), “Lev Trotskii as the Mirror of the Russian Revolution”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 17, pp. 181–191.
- Reznik, A.V.* (2017), “Introduction”, in Reznik, A.V. (ed.), *L.D. Trotskiy: pro et contra, antologiya* [L.D. Trotsky: pro et contra, an anthology], RKHGA, St. Petersburg, Russia, pp. 7–40.
- Reznik, A.V. (2021), “Representation rhetoric of the Civil war in «Izvestia» (October 1917 – January 1918)”, *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*, vol. 3, № 54, pp. 88–100.
- Shumyakov, R.A. (2025), “«The Kronstadt Republic»: Discussions of May 1917 and the Cultural Preparations for the Civil War in Russia”, *Historia Provinciae – Zhurnal regional'noy istorii*, № 3 (in print).
- Wortman, R. (2017), *The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries*, Bloomsbury Academic, London, UK, 256 p.

* A participant of the «Russian Socialist Movement» (RSD) included in the register of foreign agents.